

ПАМЯТИ Р. Ш. ГАНЕЛИНА

12 октября 2014 г. ушел из жизни Рафаил Шоломович Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Рафаил Шоломович родился 16 октября 1926 г. в Ленинграде, где после окончания средней школы стал студентом, затем аспирантом Исторического факультета Ленинградского Государственного университета. Защитив кандидатскую диссертацию (1953 г., «Американская экспансия в бассейне Тихого океана в середине XIX в.»), молодой ученый около трех лет преподавал в Ленинградском библиотечном институте, а с 1955 г. и до конца своих дней работал в Санкт-Петербургском Институте истории (тогда – Ленинградское отделение Института истории АН СССР). Здесь он в 1970 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Россия и США (1914—1917): очерки истории русско-американских отношений». Уже будучи известным ученым, 7 декабря 1991 г. он избирается членом-корреспондентом РАН по Секции гуманитарных и общественных наук. Р. Ш. Ганелин умел сочетать активную исследовательскую работу с преподавательской деятельностью, читая блестящие по форме и содержанию лекции в Европейском университете (1996-2006) и на Историческом факультете СПбГУ (с 2006 года).

Как сам Рафаил Шоломович любил подчеркивать, всеми своими достижениями в науке он обязан своим наставникам в Университете и – шире – «школе, которую удалось получить от общения с представителями предыдущих поколений». Главных учителей у него было два: первым (по времени) – профессор Н. П. Полетика, вторым – профессор Б. А. Романов, о котором Р. Ш. Ганелин сохранил особенно теплые воспоминания. Эти ученые, да еще, пожалуй, профессор С. Н. Валк, щедро делились с молодым исследователем своим источниковедческим опытом. По его словам, «кроме всего прочего, кроме приемов и методов научно-

го анализа, большую роль в их представлениях и в их действиях играло то, что называлось простым реализмом, может, даже, наивным реализмом, потому что они великолепно представляли себе не только приемы реконструкции действительности на основе текста, но и процесс обратный, этому предшествовавший - как в тексте источника воплощается и отражается текущая действительность. То есть они представляли себе человека, который пишет мемуары, чиновника, который, под влиянием различных побуждений, составляет бумагу совершенно официального характера именно так, как она составлена, а не иначе, отражая то, что необходимо было в строе для его упрочения» (Интервью для «Радио Свобода» в начале 2013 г).

С течением времени окончательно сложились научные интересы Рафаила Шоломовича. Ими стали история России конца XIX —первой половины XX веков, историография, источниковедение, история русско-еврейской интеллигенции. Но одновременно ученый глубоко исследовал историю исторической науки в Российской империи и СССР. И в последнем из названных направлений ему удалось сделать удивительно много, прежде всего благодаря феноменальной памяти ученого. Причем многие факты, не всегда отразившиеся в его книгах по этой тематике (Советские историки: о чём они говорили между собой. СПб., 2004; «Что вы делаете со мной?». Как подводили под расстрел. СПб., 2006 и др.), всплывали в беседах с ним или на его лекциях. А рассказчиком он был не только необыкновенно эрудированным, но и остроумным, что среди ученых не такое уж и частое явление. Причем нередко он высказывал совершенно парадоксальные вещи. Приведем только один пример – из упомянутого интервью 2013 года.

В нем Р. Ш. Ганелин утверждал, что в 1934 г. Сталин выступил «как первый самиздатчик. Он пишет письмо в Политбюро, направленное против статьи Энгельса о внешней политике русского царизма. А Энгельс, как и Маркс, очень порицал политику царизма в Европе, считая, что она была целиком реакционной. Но не совсем там у Сталина сходились концы с концами... он объяснял, что это дает неправильную оценку Первой мировой войны. А Энгельс умер задолго до Первой мировой войны. Но это не важно. Вот он написал такое письмо против статьи Энгельса, которое оставалось на протяжении нескольких лет, до начала войны с Германией, не изданным и ходило в самиздате. То есть самиздат был такой полуофициальный. Оно в машинописных копиях иногда даже в преподавании как-то фигурировало, но издано не было, были по поводу

этого какие-то конфликты с Зиновьевым и прочее. И, наконец, в журнале «Большевик», в том номере, который был подписан к печати в мае 41 года, оно было помещено. Но номер этот пришел к читателю тогда, когда война уже шла».

Иногда судьбы видных ученых напрямую пересекались с жизненным путем самого Рафаила Шоломовича. Его бывший научный руководитель Б. А. Романов был, как известно, репрессирован еще до войны и оказался на Беломорбалтстрое. Затем он был амнистирован, но не реабилитирован. И в таком зыбком положении он «до 1957 года очень плодотворно работал в нашем институте. В институт он был взят перед самым началом войны. И тут надо сказать, что лидеры тогдашней исторической науки - Аркадий Лаврович Сидоров и Евгений Михайлович Жуков, были такие профессиональные историки, но обладавшие партийным авторитетом, - поддерживали его, это надо признать. И вот теперь опубликована переписка его по поводу того, что я приставал к нему, чтобы он мне оппонировал во время кандидатской защиты, а он боялся это делать, потому что он не был реабилитирован и боялся мне повредить, а я пристал к нему как банный лист. И он оппонировал мне, это было в 1953 году, когда реабилитация только началась и казалась только партийной. Реабilitирован он был за год до смерти, кажется, но это не имело такого значения. Вообще судьба нашего учреждения была горестной потому, что через несколько дней после смерти Сталина Ленинградское отделение Института истории было закрыто. Восстановлено оно было только в 1955 году. С тех пор я и служу в нем»

Упомянутые не самые крупные факты из истории нашей науки и личной судьбы Р. Ш. Ганелина, конечно несравнимы с основными трудами ученого, с выводами, к которым он в них пришел. Очевидно, одним из наиболее важных его достижений следует назвать трехтомную публикацию «Воспоминаний» С. Ю. Витте, вышедшую в 1960 г. При этом Рафаил Шоломович явился не только инициатором этого издания, но и подготовил совместно с академиком Б. В. Ананьичем один из томов, снабдив его обширными комментариями. Собственно, такое издание уже существовало, оно было опубликовано в 1920-х гг. в Берлине эмигрантским издательством «Руль». Однако публикаторы сделали его, по выражению Р. Ш. Ганелина «удобочитаемым», то есть, отредактировав стенограммы выступлений С. Ю. Витте и его рукописные заметки таким образом, чтобы они стали доступны даже для неподготовленного читателя. Теперь недостатки этого не совсем профессионального подхода были исправлены

– наследие С. Ю. Витте воспроизведено в новом издании, во-первых, с указанием источников и, во-вторых, в первоизданном виде, отчего читатель получил возможность сопоставления, как тот или иной сюжет освещался министром в официальном докладе и как, будучи написан от руки.

И еще одно важное качество Рафаила Шоломовича не только как ученого, но и как человека и гражданина: он никогда не мог молчать в случаях, когда полагал действия госадминистрации неправомочными. Причем он выступал открыто, в печати. Это можно отнести и к его протесту против плана создания единого учебника истории (Сохранить независимую экспертизу // «Троицкий вариант — Наука», 27. 08. 2013), и, в особенности, к его реакции на недавний (2013) выход части академиков из новой, реформированной Академии наук. В газетной статье с говорящим названием «Власть себя трезво не оценивает» (Культура. 22. 07. 2013) ученый утверждает: «Нынешний протест академиков — беспрецедентный, никогда в российской и советской истории Академия наук особенно не сопротивлялась. Профессура, преподаватели университетов — они бунтовали, а академики — нет. Вероятно, именно поэтому большевики начали на свой лад переделывать науку как раз с университетов: в 1921 году они кардинально ограничили самостоятельность и автономию университетов, что вызвало волну протестов и бунтов в университетской среде. И основную часть пассажиров “философских пароходов”, на которых большевики вывезли из России более 200 ученых, философов, литераторов, инженеров, — составляли именно преподаватели вузов. Главным образом гуманитарии. Выслали многих, но не всех. Но те, кто не попал на “философские пароходы”, вскоре оказались втянутыми в “академическое дело”. Оно стало как бы продолжением тех пароходов — в него тоже попали главным образом гуманитарии, которые были бревном в глазу власти, — они не умели стоять по стойке смирно».

И в качестве примера тому, что в любой ситуации протест «снизу» может оказать свое воздействие на самые высокие партийные и государственные инстанции, напоминает, что когда в 1970-х гг. ЦК КПСС потребовал исключить А. Д. Сахарова из числа академиков, то Академия наук отказалась это сделать. Правда, продолжает Рафаил Шоломович, «тот случай можно назвать уникальным. Тогда Сергей Петрович Капица на предложение исключить Сахарова сказал, что знает лишь один подобный прецедент — исключение нацистами Альберта Эйнштейна из прусской академии. И предложение ЦК само собой “растворилось”. Капица, я думаю, тогда умело использовал дипломатический, политический при-

ем — к сожалению, в советской истории случаи исключения из Академии наук происходили не раз. В 1931 году на Общем собрании АН были лишены звания академиков арестованные Платонов, Тарле, Лихачев и Любавский; в 1938 году из членов Академии исключили списком сразу 21 человека. Причем некоторых из них — посмертно, после расстрела как врагов народа. Тогда исключили известного авиаконструктора, члена-корреспондента Туполева. А незадолго до смерти Сталина, в 1953 году, лишили звания академика историка Ивана Михайловича Майского. Так что прецедентов было достаточно».

Отдавая дань памяти Р. Ш. Ганелину, остается сказать, что он был невероятно контактным, живым и доброжелательным человеком, всегда готовым на дружескую помощь, что автор этих печальных заметок неоднократно ощущал лично на себе. У него было множество добрых знакомых и близких друзей не только в Петербурге и Москве, но и в провинции. У всех нас Рафаил Шоломович навсегда останется в сердцах и благодарной памяти.

Основные труды Р. Ш. Ганелина (кроме уже упомянутых):

Россия и США (1914—1917): очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.

Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 гг. Л., 1975.

Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999 (2-е изд. 2000; в соавторстве с Б. В. Ананьичем).

Тартуское студенчество на пороге XX в. СПб., 2002.

Советские историки: о чём они говорили между собой. СПб., 2004.

СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010.

В России двадцатого века. М., 2014.

Автор глав и разделов в коллективных трудах:

Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX вв.). Л., 1967.

Революционный Петроград: год 1917. Л., 1977.

- Краткая история СССР. Ч. 1. М.-Л., 1978.
Кризис самодержавия в России (1895—1917). Л., 1984.
Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996.
На пути к революционным потрясениям. СПб., 2001.
Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб., 2003.
Кредит и банки в России до начала XX в. Санкт-Петербург и Москва.
СПб., 2005.
Россия. Век двадцатый. СПб., 2011.

Сведения об авторе

Возгрин Валерий Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: vozgrin60@mail.ru

Information about author

Vozgrin Valeri Evguenievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.
E-mail: vozgrin60@mail.ru